

Review Центральная Азия

6. Достижение единой научной трактовки исторических событий в регионе и издание совместных учебников по общей истории народов ЦА, а также обеспечение одинакового преподавания по ним в школах и вузах, укрепляя тем самым межнациональное согласие, доверие и взаимное уважение в регионе (к примеру, есть шеститомное издание ЮНЕСКО «История цивилизаций Центральной Азии». Опубликовано в Париже на английском языке).

7. Формирование регулярного механизма взаимных региональных консультаций, способного действовать в рабочем режиме, чтобы координированно выработать и озвучивать единые позиции стран региона по актуальным вопросам региональной и международной повестки.

С учетом изложенного представляется, что государства ЦА находятся только на начальном этапе своего пути к интеграции. Однако его дальнейший успех будет зависеть во многом от того, перестанут ли страны ЦА видеть друг в друге конкурентов или все же ближайших партнеров, заинтересованных во взаимной поддержке и объединении усилий в борьбе за те же транспортные коридоры, инвестиции и торговые привилегии.

Эксперты верно подметили, что политические элиты стран ЦА только привыкают действовать сообща. В этом контексте хорошим починком можно считать тот факт, что Ташкент и Нурсултан в октябре 2020 года выступили с общим Заявлением по событиям в Кыргызстане.

Следует ожидать, что в дальнейшем к такому формату подключатся и другие страны региона. Тогда взаимодействие лидеров будет происходить на регулярной основе, то есть в ожидаемом рабочем режиме, приобретая более стабильный ритм, а также конструктивный взаимовыгодный характер.

Геополитика Центральной Азии: основные игроки

Сегодня геополитическая ситуация в ЦА значительно изменилась, если ее сравнить с началом XX века. Наряду с Россией активными внешними игроками в регионе стали Китай, США и Турция. Кроме того, сами страны ЦА, став независимыми, стремятся с разной степенью успешности проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, выстраивая отношения как между собой, так и с зарубежными странами.

Тем не менее, взяв непохожий старт, теперь очень важно не потерять набранный темп и не сбиться с пути. А такой риск вполне реален, и более того, он уже существует.

Что имеется в виду? Сказав, что Центральная Азия стала еще одним объектом противостояния между крупными державами мира, не открещайтесь Америку. Сегодня здесь реализуют свои стратегические интересы различные международные центры силы. Поэтому все, что здесь происходит на региональном уровне или в отдельно взятой стране, находится под пристальным вниманием конкурирующих сторон. И в принципе это вполне ожидаемо.

К сожалению, в современном мире так называемые политтехнологии воздействия зачастую применяются в разрушительном плане, особенно если это касается развивающихся стран. Крупные внешние игроки способны нажать на те или иные рычаги воздействия, чтобы вынудить каюлибо страну двинуться в выгодном для них политическом русле. К примеру, если та же перспектива вхождения Узбекистана в ЕАЭС не приносит радости одним внешним силам, то сближение Ташкента с западными центрами силы не нравится другим.

Сегодня в мире происходит процесс переустройства ранее сложившейся системы межгосударственных отношений. Разворачиваются новая поляризация, борьба за рынки и ресурсы, открытое стремление сильных доминировать над слабыми, жесткое, на грани силовых действий отстаивание собственных экономических интересов.

Все эти глобальные явления непосредственно сказываются на геополитических процессах внутри и вокруг региона ЦА.

США. Начиная где-то с середины 1990-х годов стали проявляться попытки США реализовать сугубо региональный подход к ЦА. Как отмечают американские эксперты, в основе такого подхода лежит намерение Вашингтона «помочь странам региона объединиться в рамках региона, чтобы они, в свою очередь, могли успешно противостоять давлению со стороны России и Китая».

На первоначальном этапе Вашингтон даже пытался помочь сформировать коллективное военное подразделение под названием «ЦентрАзБат». Когда эта затея провалилась, в 2015 году возникла идея диалога в формате «5+1» на уровне министров иностранных дел.

В начале февраля 2020 года Госдепартамент США представил новую американскую стратегию по Центральной Азии, рассчитанную на пять

29 ноября 2019 года в Ташкенте состоялась Консультативная встреча глав государств Центральной Азии, в которой приняли участие: Президент Кыргызской Республики Талант Мамытов, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон, Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов, Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев и Первый Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев

лет (2020–2025), которая призвана заменить аналогичный документ 2015 года, составленный еще при администрации Барака Обамы.

В документе утверждается, что на сегодня США уже вложили в регион большие средства: \$9 млрд прямой помощи на государственном уровне, \$31 млрд частных инвестиций и более \$50 млрд в виде кредитов и технической помощи от международных структур с участием США (Всемирного банка, МВФ и ряда других организаций). Отдельно отмечается, что США вложили более \$90 млн в укрепление границ государств ЦА, провели 200 военных учений и повысили квалификацию более 2,6 тыс. пограничников. Кроме того, 40 тыс. школьников, студентов, специалистов и госслужащих из стран региона прошли стажировку или обучение в США.

На фоне этих практических действий, на концептуальном уровне США активно продвигают идею «Большая Центральная Азия», рассматривая Афганистан как часть региона. Некоторые российские и центральные азиатские эксперты, усматривая в этой концепции попытку Вашингтона увести регион из-под влияния России и Китая, ошибочно преподносят Афганистан как некий чужеродный элемент для ЦА, упуская из виду (или сознательно игнорируя) исторически сложившиеся геополитические реалии в Центральной Азии.

Так, если рассматривать Афганистан в историческом ракурсе, то эта страна, и в особенности его северные и центральные территории, также известные под названием Хорасана, всегда тяготели к Мовараннахру (или позднее — к Туркестану), нежели к Пакистану или Индии. С этой точки зрения, именно вышеназванные части территории Афганистана, в отличие от пуштунских провинций на юге, всегда были активным участником политических процессов, происходивших в регионе ЦА.

Персидские, тюркские и другие династии, сменяя друг друга, создавали в Хорасане свои государства, которые всегда поддерживали самые тесные политические, торгово-экономические и этнокультурные связи с народами Туркестана. Очевидным является и тот факт, что в этой стране проживает большое количество узбеков, таджиков и туркмен (более трети всего населения страны), при этом являясь, заметьте, не диаспорой, а коренным жителями наряду с пуштунами и другими. К примеру, в этой стране (т. Герат) родился и жил основоположник узбекской классической литературы Алишер Навои. Узбекский язык, на котором говорят в десяти афганских провинциях, является официальным языком этой страны наряду с пушту и дари. Более того, несколько поколений узбекских правителей, от Амира Хусейна до Хусейна Бойкара, в свое время правили на троне в Кабуле, возглавляя основанные ими государства.

Разумеется, у США есть свои стратегические интересы в ЦА, отличающиеся (возможно, даже прямо противоположные) от российских или ки-

тайских. Однако представляется, что они занимаются Центральной Азией всерьез и основательно. Похоже, американским исследователям во главе с ведущим специалистом по ЦА Фредериком Старром удалось таки проникнуть в достаточно глубинные исторические пласты региональной памяти. Будет правильнее сказать, что доктор Старр вывел идеологическую начную концепцию под названием «Большая Центральная Азия» практически из глубины веков как основу для выстраивания новой геополитической конфигурации в регионе. Наверное, это и есть высокое мастерство оперирования историческими данными применительно к современным геополитическим реалиям.

Тем не менее нужно признать, что в обозримом будущем Вашингтон не может конкурировать с Москвой в плане оказания влияния на регион. Соединенные Штаты, попытавшиеся в начале 2000-х годов стать важным игроком в регионе (чего стоит одна только военная база в Ханабаде), сегодня способны лишь реагировать на отдельные события, которые происходят в центральноазиатских странах. Подтверждением этому, к примеру, является тот факт, что официальный визит секретаря США Майка Помпео в Казахстан и Узбекистан, состоявшийся в начале февраля 2020 года, стал первым за последние пять лет визитом американского дипломата высшего уровня в Центральную Азию.

Китай. Эта страна уже превратилась в одного из основных экономических партнеров для стран ЦА, предлагая дешевые товары, существенные гранты и кредиты под низкие проценты. Так, долги Кыргызстана (\$1,7 млрд) и Таджикистана (\$1,2 млрд) перед Китаем уже составляют до 20% их ВВП.

Как верно отмечают эксперты, региональные устремления Китая обусловлены тем, что Пекин рассматривает регион как: (1) буферную зону между Афганистаном и Синьцзяном (в этом граничащем с Центральной Азией уйгурском автономном районе проживает около 1,5 млн этнических казахов, 180 тыс. киргизов, 50 тыс. таджиков и 10 тыс. узбеков); (2) связующее звено между Европой и Китаем (кратчайший путь для пережелезнодороживания и пассажиров по суше); (3) поставщик богатых природных ресурсов.

На сегодня для стран ЦА китайская доля составляет около 22% всего экспорта и 37% импорта. К примеру, суммарный объем природного газа, закупленного по состоянию на октябрь 2019 года только из Туркменистана, составил 252,1 млрд кубометров.

Как отмечают эксперты, в своей стратегии Китай также придерживается следующих правил: невмешательство во внутренние дела стран и их отношения друг с другом, упор на экономическое сотрудничество, улучшение своего имиджа. Кроме того, в обмен на кредиты и активное экономическое сотрудничество Пекин ожидает, чтобы страны ЦА соблюдали принцип «единогласия» (Тайвань — неотъемлемая

часть КНР) и борьбы против «трех зол» (терроризма, экстремизма, сепаратизма).

Ранее Пекин, не проявляя особого интереса к выработке регионального подхода, предпочитал выстраивать отношения с каждой страной региона на двусторонней основе, исходя из ее потребностей и экономического состояния. Однако в последнее время Китай внес определенные изменения в свою региональную тактику, что проявилось в проведении (по примеру американцев) в июле 2020 года первого заседания в формате «Центральная Азия + Китай» в онлайн-режиме (на уровне министров иностранных дел пяти стран региона и Китая).

В целом при сложившихся реалиях инициатива Пекина «Один пояс, один путь», преследующая цель воссоздания Великого шелкового пути в его современном контексте, может отвечать интересам стран Центральной Азии. Хотя существуют опасения некоторых экспертов, что это приведет к росту влияния Китая, странам региона стоит рассмотреть благоприятные возможности от участия в данном проекте.

При этом эксперты указывают на то, что, проявляя явную заинтересованность в получении сырья из региона, Китай пока особо не спешит переместить сюда высокотехнологичные производства и создавать свои индустриальные цепочки (кластеры).

Турция. Концептуальную основу геополитических подходов Турции к Центральной Азии составляет признание Туркестана исторической родиной своих предков.

Следует отметить, что на первоначальном этапе независимости Турция выступила для многих стран Центральной Азии авторитетным политическим партнером-союзником. В частности, Турция стала первым государством в мире, признавшим независимость стран Центральной Азии. В этом плане Турция также является первой зарубежной страной, развернувшей активное экономическое сотрудничество с регионом, где турецкие компании реализуют проекты в области строительства, телекоммуникации и текстильной промышленности. Так, турецкие инвестиции в один только Казахстан составили почти \$20 млрд.

Как отмечают эксперты, важным инструментом сотрудничества Анкары со странами региона является Тюркский совет, который значительно нарастил свою мощь и авторитет на международной арене в связи с вхождением в него Узбекистана осенью 2019 года.

С опорой на культурную близость и этнолингвистическую идентичность на первоначальном этапе постсоветского периода Турция попыталась создать тюркский союз со странами ЦА. Однако позже, где-то с середины 1990-х годов, Анкара пришла к пониманию, что она не сможет стать ключевым игроком в Центральной Азии, соответственно скорректировав свои подходы.

В частности, Турции пришлось учитывать позиции держав, имеющих здесь давние интересы. Так, в Анкаре заметили, что в регионе в политическом и военном плане давно доминирует Россия, а в финансовом и торгово-экономическом — активно наращивает свое влияние соседний Китай, не говоря уже о присутствии США и Евросоюза, для соперничества с которыми в региональном масштабе у нее просто не хватит сил. Представляется, что именно на этом видении базируется нынешняя тактика турецкой стороны, которая по отношению к региону применяет сравнительно взвешенный, прагматичный и конструктивный подход.

С другой стороны, страны ЦА, по ряду причин оказавшиеся вдали от передовых магистралей глобализации, технологического, научного и цивилизационного развития мира, также нуждаются в заимствовании передового опыта Турции, которая как раз весь период своей истории была в гуще указанных выше глобальных процессов.

Как подчеркивают отдельные аналитики, в этом плане Турция для стран ЦА на самом деле может стать не только одним из примеров успешного развития, но также и воротами в Европу, европейскую цивилизацию, к которой отчасти относятся и США. Кроме того, Турция может предложить странам ЦА инвестиции, технологии и свои морские порты, получив взамен доступ к рынкам региона (более 70 млн человек), а также к каспийской энергетической игре, учитывая намерение Анкары стать одним из энергетических хабов в Европе.

В этом контексте, как отмечает ряд экспертов, страны Центральной Азии и Турция выступают естественными партнерами, заинтересованными во взаимовыгодном использовании потенциала друг друга.

Однако на протяжении всего постсоветского периода в российских медиа муссируется вопрос о «пантюркизме» и «Великом Туране». Допустим, что у части российской элиты, возможно, имеются вполне обоснованные (с их точки зрения) опасения об устремлениях Анкары к созданию геополитических конфигураций, включая в нее сугубо тюркские государства ЦА на латинский алфавит называя им турецкой стороной.

Что касается часто упоминаемых утверждений о создании Великого Турана, то мы, живя в Узбекистане, вообще даже не обсуждаем этот вопрос. Вряд ли кто-то всерьез может предполагать, что, прошедшие самые трудные 30 лет суверенного развития, государства региона могут вновь мечтать о «старшем брате». Подобные измышления являются не чем иным, как плод большого воображения ангажированных «экспертов», мечтающих вбить клин в наши взаимоотношения с еще одним естественным союзником в лице Турции.

Центральная Азия и Россия: быть ли Соединенным Штатам Евразии?

Эпоха правления Б. Ельцина (так называемый «ельцинизм») не только выявила несостоятельность идеи принудительного строительства социализма (даже в Китае поняли, что для социализма нужен крепкий базис, то есть высокоразвитая экономика, способная вырастить только из недр капитализма), но и привела к большому геополитическому потере для России.

На волне ельцинского популизма («берите независимости столько, сколько хотите!») российская политическая элита не обращала на эти потери должного внимания. Наоборот, как по команде, легко и просто разрывались связи с бывшими советскими национальными окраинами, как с «лишним балластом, мешающим благополучию россиян».

Спохватились где-то к концу 1990-х, когда развернулась война в Чечне и возникла угроза отторжения всего Северного Кавказа. К примеру, военно-политической элите РФ пришлось признать весьма неприятный для нее факт, что с распадом СССР Россия потеряла крупное геополитическое поражение и на центральноазиатском направлении.

Пришло осознание того, что после столетнего периода практически единоличного господства в этом обширном и богатом природными ресурсами регионе Россия больше не имеет монополии на Центральную Азию. Более того, ее бывшие позиции стали активно замещаться такими новыми влиятельными внешними акторами, как Китай и США.

Только с начала 2000-х годов Москва пытается восстановить вновь свое присутствие в регионе. В основе ее нынешней геополитической стратегии заложено концептуальное утверждение о том, что для России «регион представляет собой часть так называемого ближнего зарубежья/постсоветского пространства, которое входит в зону ее исключительно важных жизненных интересов».

Однако анализ данного положения российской стратегии в отношении ЦА свидетельствует о недостаточной проработанности всех аспектов этой важнейшей проблемы. Представляется, что дух высказываний Александра Солженицына о среднеазиатском «подбрюшье» незримо присутствует в работах немалого числа российских экспертов и политологов, что уже подразумевает применение на практическом уровне в большей степени мер «против» нежели «за».

Смысл такого утверждения сводится к тому, что эти страны «никуда не денутся» и, если понадобится, «приползут на коленях». Представляется, подобный подход основан на искаженном (выдать желаемое за действительное) восприятии тех неотвратимых геополитических изменений, происшедших во всем мире в целом и в Центральной Азии в частности.